

Елена Арсеньева

Банга-Любанга (Любовь Белозерская – Михаил Булгаков)

*Часть сборника
Женщины для вдохновения
(сборник)*

Женщины для вдохновения

Елена Арсеньева

**Банга-Любанга (Любовь
Белозерская – Михаил Булгаков)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Банга-Любанга (Любовь Белозерская – Михаил Булгаков) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Женщины для вдохновенья)

ISBN 5-699-14294-0

«В стеклянную дверь под огромными светящимися буквами, которые складывались в два слова: «Folies Bergeres», – одна за другой вбегали девушки. И все, как чудилось Любе, прехорошенькие, все дорого и модно одетые. меховые воротники, задорные шляпки и шапочки, низко надвинутые на лоб, перестук каблучков, бодрое качание сумочек в руках... Неужели всем этим девицам тоже нужна работа? Или они уже приняты? Поэтому так нарядны, так уверены в себе.....»

ISBN 5-699-14294-0

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

От автора	5
Банга-Любанга (Любовь Белозерская – Михаил Булгаков)	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена Арсеньева

От автора

Их глаза глядят со страниц романов, их смех звенит в строках стихов... Они вдохновляли поэтов и романистов. Их любили или ненавидели (такое тоже бывало!) до такой степени, что эту любовь или ненависть просто невозможно было удержать в сердце, ее непременно нужно было сделать общим достоянием. Благодаря им болезнь любви или ненависти заражала читателей. Их мало волновало, конечно, чьи коварные очи презираемы Лермонтовым, кого ревнует Пушкин, чьими страстями упивается Достоевский, чьим первым поцелуем украдкой любит Толстой, кого всю жизнь нежно обожает Тютчев и к чьим ногам слагают сердца герои Тургенева... Главное – глубина чувств, тайна, а не праздное любопытство!

Ну что ж, а мы – мы полюбопытствуем и заглянем в эту глубину, приподнимем покров этой тайны: любви или ненависти творцов к своим музам.

Банга-Любанга (Любовь Белозерская – Михаил Булгаков)

В стеклянную дверь под огромными светящимися буквами, которые складывались в два слова: «Folies Bergeres», – одна за другой вбегали девушки. И все, как чудилось Любе, прехорошенькие, все дорого и модно одетые. меховые воротники, зазорные шляпки и шапочки, низко надвинутые на лоб, перестук каблучков, бодрое качание сумочек в руках... Неужели всем этим девицам тоже нужна работа? Или они уже приняты? Поэтому так нарядны, так уверены в себе...

Люба тряхнула головой, пытаясь стряхнуть с волос маленькие колючие снежинки. Снег в Париже – это такая редкость! Дождило целую неделю, а тут вдруг... Но не холодно, совсем не холодно – даже без шапочки, без перчаток, даже в простеньком драповом пальтишке без всяких мехов. Снег в любую минуту может растаять: вон на углу Фобур Монмартр застыл художник с мольбертом, торопится запечатлеть чудо природы.

Любе захотелось вернуться и посмотреть, как он изображает Париж под снегом, но стоило переступить, как в туфлях ощутимо захлопало.

Нет, некогда ей картинки разглядывать. Надо решиться – и войти в эту стеклянную дверь, куда то и дело вбегают разодетые красотки. Ей нужна работа, нужна – побольше, чем им! На мужа, кажется, нет надежды... уехал в Берлин, прельщенный слухами, что там открылась какая-то большая газета для русских эмигрантов, – и как в воду канул. Ни денег, ни вестей. Может быть, он уже бросил ее?

Не то чтобы Люба жалела об этом необузданном ревнивце, которому во время одной из кошмарных и совершенно беспочвенных сцен дала кличку Пума. Но все-таки... какой-никакой, а муж. Женщина непременно должна быть за кем-нибудь замужем! Непременно нужен какой-то человек, к которому можно прислониться в трудную минуту! Неужели снова, как там, в Киеве, когда ее бросил Финк, она останется одна? Но ладно, в Киеве подвернулся Илья Василевский, журналист, известный Любе еще по Петербургу и писавший под псевдонимом Не-Буква. А здесь, в Париже, что-то никто и никак не подворачивается... С другой стороны, кто может обратить на нее внимание, когда она бежит в этом простеньком пальтишке, в поношенных туфельках по тусклым улицам Пасси, где селятся одни лишь безденежные русские эмигранты? И шляпка у нее только летняя, соломенная, с дивными голубыми незабудками (знакомый художник Михаил Линский написал пастельный портрет Любы в этой чудной шляпке!), но какие могут быть незабудки в январе?! Нужно заработать денег, приодеться, приобуться. Нужно получить эту работу!

А может быть, она уже опоздала? Может быть, набор закончен и мест больше нет?

Люба, мелко перебирая замерзшими ножками и прижимая к себе свой сверточек, перебежала улицу и рванула стеклянную дверь с такой силой, что показалось – позолоченная ручка вот-вот оторвется.

– Поосторожней! – буркнул швейцар, грузно сидевший на стуле, с трудом поднимая глаза от газеты. – На просмотр? Проходите... Да не туда! – прикрикнул он досадливо, когда Люба нерешительно затопталась перед широкой мраморной лестницей, устланной ковром. – Под лестницу идите. А там по коридору и наверх. – И швейцар неодобрительно пожевал губами, глядя на мокрые следы, оставшиеся на мраморном полу.

Люба промчалась по коридору кенгуриными прыжками, стараясь как можно реже касаться пола, и на миг замерла перед дверью, за которой слышался оживленный девичий говор и звуки музыки.

– На просмотр? – выглянул на ее робкий стук тощий юнец в очках, сдвинутых на лоб. Люба улынулась ему, как старому знакомому, но он смотрел не слишком-то приветливо. Не узнал? Или просто так сильно озабочен? – Проходите, переодевайтесь – вон там.

Люба очутилась в просторном зале, видимо, репетиционной комнате. Ряды стульев были сдвинуты к одной стене, а на свободном пространстве под звуки пианино танцевали девицы в самых причудливых нарядах. Около маленького столика сидели тощая чопорная дама в черном, господин, похожий на английского пастора, и рыжий толстяк с неприятным лицом.

– Чего же вы стоите? – прошипел между тем юнец. – Быстро переодевайтесь, Квазимодо не любит ждать.

Потом Люба узнает, что Квазимодо прозвали рыжего – соглядатая, бывшего правой рукой дирекции.

– Да я просто так пришла, – вдруг испугалась Люба. – Просто посмотреть. Я не готовилась...

– Ничего, – нетерпеливо махнул юнец. – Несколько тактов будет достаточно. Тут люди понимающие.

– Платье я принесла, а туфель нет, – покаянно пробормотала Люба. – А в этих я не смогу. Юнец взглядом знатока окинул ее ноги, понимающе кивнул и показал в сторону:

– Вон там целая корзина туфель. И поскорей, поскорей!

Рядом без всякого стеснения переодевались девушки. Чем-чем, а стеснительностью Люба тоже не отличалась. Поэтому она спокойно стянула юбку, джемпер и натянула пышное шелестящее платье. Подобрала по размеру шелковые туфельки... Как давно она не танцевала!

Вообще-то зал ее разочаровал. Вестибюль и швейцар – да, выглядели солидно, внушительно, а танцзал... так себе. Впрочем, главное – сцена, а она в «Фоли-Бержер», говорят, великолепная.

Девушки выходили на площадку, показывали свои номера – все, на взгляд Любы, удивительно хорошие. Впрочем, у господ, сидевших за столом, было свое мнение: некоторых девушек обрывали на полутакте, других заставляли протанцевать до конца музыкального отрывка и даже повторить.

– Откуда вы? – отрывисто спросила дама в черном, когда Люба подошла к столу. – Где работали раньше?

– В типографии на линолите, – нерешительно проговорила она.

Брови у всех трех членов комиссии одинаково взлетели. Люба нерешительно оглянулась на юношу в очках. Может быть, надо было соврать? Сказать, что танцевала в каком-нибудь ресторанчике? Но она подумала, что он ее все-таки узнал, этот юнец, который позавчера приносил в их типографию рекламную листовку о том, что знаменитое варьете «Фоли-Бержер» набирает для очередного ревью балетную труппу. Любе уже до смерти осточертело работать на линолите, хотя раньше ей это очень даже нравилось, да и наборщица из нее получилась хорошая: никаких ошибок, набор без переливок... Нет, он ее не узнал. Надо было соврать!

– Ну хорошо, а танцевать учились где? – спросила дама.

– В Петербурге, в частной школе братьев Чекрыгиных, – уже совсем робко пролепетала Люба.

– А, русская... – уже снисходительнее проговорила дама. – Титулованная? Княжна? Графиня? Или, мон дье, великая княжна?

В голосе ее звенела насмешка.

Люба призадумалась.

Может, хоть тут соврать? Фамилия Белосельских-Белозерских – знаменитая, есть (вернее, были!) и князья с такой фамилией... Любин отец, Евгений Михайлович, происходил из младшей, захудалой ветви прежде могущественного семейства. Он был дипломатом, блестяще образованным знатоком восточных языков, а матушка, Софья Васильевна, урожденная Саб-

лина, училась в Москве, в институте благородных девиц. Сказать, что ли, будто они князья, да грамоты на княжество затерялись?

А вдруг они тут, в «Фоли-Бержер», все республиканцы, как большинство французов? И им дороже всего либертэ, фратернитэ и прочие глупости, которые так страшно аукнулись теперь в России?

– Нет, просто дворянка, – решительно качнула головой Люба.

– Ну и слава богу, – искренне вздохнула дама. – А то, куда ни взгляни сейчас в Париже, наткнешься на русских графов и князей. Графы служат швейцарами, князья – таксистами...

«В восемнадцатом веке, когда французишки драпали от своей революции, ваши графы и маркизы у нас в России учителями танцев да гувернерами служили: не было самого захудалого помещика, где бы не жил в людской свой маркиз!» – зло подумала Люба, но вслух ничего такого не сказала, конечно.

– Что танцевать будете? – перебил заболтавшуюся даму Квазимодо. Не то чтобы он сжался над Любой – просто в дверь входили новые и новые претендентки, а время уже близилось к полудню, пора и пообедать.

– Сыграйте начало вальса из «Коппелии», пожалуйста, – попросила Люба, не особенно надеясь на успех: ведь все предыдущие девушки танцевали веселенькие мелодийки шлягеров, ну, в лучшем случае – танго.

Однако сублильный, похожий на малокровного мальчика, чернявый пианист не моргнул и глазом – заиграл мелодию Делиба. И Люба, мысленно перекрестившись, протанцевала вальс, как помнила – как учили у братьев Чекрыгиных.

– Вы нам подходите, – с милой улыбкой сказала дама в черном платье, едва замерла музыка. – Походите в статистках и «ню», но одновременно начнете готовить парный номер на музыку Крейсера. Слышали о таком? – спросила она как бы в скобках, и Люба решительно закивала: о чем она только не наслушалась от мужа и его образованных знакомых! – Вопросы имеются?

С языка так и рвалось: «Неужели мне придется танцевать голой?!» – но Люба так же решительно замотала головой. Мол, нет, вопросов не имеется.

– Пройдите вон в ту дверь в канцелярию и подпишите контракт, – скомандовал Квазимодо. – И имейте в виду – у нас железная дисциплина. Никакого флирта! Никаких поклонников на рабочем месте! Штраф за каждое нарушение. Впрочем, Жако вам расскажет подробнее.

Жако – тот самый юноша в очках – широко улыбался Любе:

– А я вас сразу узнал! Я так и думал, что вы придете на просмотр, – уж очень у вас глазки горели, когда вы нашу рекламу читали. И не сомневался, что вас примут: вы такая хорошенькая!

– Имейте в виду, я замужем, – чопорно сказала Люба.

Он не сомневался... скажите, пожалуйста! А ведь и виду не подал, что узнал, хитрец этаким. Хорошо, что она не соврала про линотип!

Так Люба Белозерская, не то чтобы княжна, но «барышня из приличной семьи», супруга некогда известного журналиста Ильи Василевского-Не-Буквы, стала статисткой «Фоли-Бержер». Впрочем, на дворе стоял 1921 год, русских в Париже было и впрямь предостаточно, даже больше, чем нужно. И если великая княжна Мария Павловна или морганатическая супруга великого князя Гавриила Кирилловича, балерина Анастасия Нестеровская, не гнушались открыть в Париже свои *les maisons de couture*, то есть модные дома, а родовитые, по-настоящему родовитые княжны шли в манекены к Шанель, Ланвен, Пуарэ, то уж лучше в «Фоли-Бержер» танцевать, чем подвизаться проституткой в одном из многочисленных русских кабаков на Пигаль.

Вскоре Люба стала отлично разбираться в структуре Большого Парижского Ревю.

1. «Звезды» – «ведетт» (гвоздь ревью, *vedette*).

2. Несколько «боте» – красавиц. Они не обязаны быть ни актрисами, ни певицами, ни танцовщицами. *Les beaux* созданы для того, чтобы ими любоваться.

3. «*Les lgantes*». Хорошая фигура обязательна. А также обязательно умение носить платье. И само собой разумеется – внешняя привлекательность.

4. «Ля коммер» – *la commre* («кумушка»). Обязательная артистка, скорее характерная, умеющая все делать, а главное – играть. Она как бы конференсье спектакля. Обычно приглашается из драматического театра на время, пока идет ревью. Не обязана быть ни красавицей, ни «элегант».

5 и 6. Статистики. Просто толпа «ню» (обнаженные). Вся тяжесть ложится на последних. Они переодеваются (скорее – раздеваются) раз по десять-пятнадцать за вечер и присутствуют на сцене в течение всего спектакля. Они – декоративная оправа всего ревью.

7. Балет. Вводные номера. Чаще всего американки с каким-нибудь балетным трюком. И кордебалет.

8. Герлс, девочки от десяти лет (всего их двадцать пять – тридцать). Загримированы под взрослых герлс, в тех же костюмах, что и актрисы. Участвуют в первом отделении. По контракту к десяти часам должны быть уже свободны. Живут все вместе, пансионом. Все это она опишет подробно потом, много-много лет спустя...

Любе понравилось в «Фоли-Бержер».

К счастью, совершенно обнажаться ей приходилось редко. Правда, вальс Крейсера танцевать пришлось в полупрозрачных штанишках, украшенных маленькими ромашками, и с едва прикрытой грудью. Еще был пикантный номер с очень тонко выверенной эротикой: на сцену под нежную музыку выходили девушки в черных шляпках и платьях в стиле 40 – 50-х годов XIX века: закрытых по горло, с кринолинами, отороченными белым мехом; в черных перчатках, да еще и с белыми муфточками. Вид был очень строгий. Но вот девушки поворачивались... и в зале раздавался единодушный стон: спинки у танцовщиц оказывались голенькие, а ниже талии, вдобавок ко всему, вырез в виде большущего сердца! Полуобнаженные попки поражали зрителей в самое сердце!

Для главного шоу всем статисткам сшили великолепные костюмы: серебряный лиф, юбка из страусовых перьев двух тонов: в основе ярко-желтых, на концах, где самый завиток, – оранжевых. Самых хорошеньких девушек (в их числе и Любу) для рекламы сфотографировали в знаменитой мастерской Валери: в свое время здесь делали фотопортрет самого Тургенева! Тогда Люба, конечно, этого не знала – узнала потом, что Тургенев, кстати, остался не слишком-то доволен портретом. А Любе ее фото очень даже понравилось. И не только ей: плакат с ее изображением долго висел на рекламном щите на *Grands Boulevards*, на Больших Бульварах.

Да, работа была очень приятная. Однако вот беда: платили статисткам мало (Люба по-прежнему едва сводила концы с концами), в число же «ведетт» выбиться никак не удавалось. А тем не только платили хорошие деньги – у них было гораздо больше возможностей обратить на себя внимание! С «ведетт» происходили поразительные приключения.

Например, в ревью «Безумство из безумств» роль Клеопатры исполняла Мари Франс – яркая блондинка невероятной красоты. Ее любовника играл негр, и вдвоем эта пара смотрелась ослепительно. И вот однажды Мари не явилась на представление и не представила в дирекцию никаких объяснений. В последний момент на сцену выпустили дублершу, смуглую брюнетку, и сцена сразу потеряла выразительность. И вдруг в разгар представления в дорогой ложе появилась Мари Франс в роскошном туалете, невероятных мехах и в сопровождении какого-то молодого японца в смокинге!

С трудом все дождалось антракта. Лишь только вспыхнул свет, Квзимодо тяжелой походкой проследовал в ложу и провозгласил:

– Мадемуазель, нарушение контракта без уважительных причин...

Мари вскинула руку, прерывая его, и проговорила, чуть повернувшись к своему спутнику:

– Принц...

– Сколько? – спросил японец.

– Двадцать тысяч франков, – назвал Квазимодо несусветную сумму.

Не поведя бровью, японец подписал чек на двадцать тысяч франков.

Что творилось за кулисами! Девушки умирали от зависти:

– Эта Мари ничего собой не представляет! У нее такое глупое лицо! Дайте мне принца, и я буду красавицей!

«Это правда, – грустно думала Люба. – Я, может быть, еще красивее, чем Мари, но где он, мой принц? Где?! Я получила золотую медаль в гимназии и поступила в балетную школу, грезила о сцене, мечтала, что мне повезет, как повезло Кшесинской и Нестеровской, но началась война. Я окончила курсы сестер милосердия и пошла в лазарет, мечтая, что стану ухаживать за раненым геройским генералом, отпрыском богатейшего семейства... но началась эта проклятая революция! Генералы бросились в бегство от взбесившейся солдатни. Попался было под руку Финк, да разве это принц? А чем лучше безумно ревнивый Пума?! Правда, он вывез меня из обезумевшей от страха перед красными Одессы в Константинополь, но если вспомнить, как мы там жили, перебиваясь с хлеба на воду, в кишках крысами каморках, – это же кошмар! И снова – ни одного принца, даже турецкого!»

Люба сокрушенно покачала головой. В самом деле – с турецкими принцами ей не везло. Хотя многие хорошенькие русские блондинки пристроились очень удачно – богатые турки охотно брали их в свои маленькие гаремы и даже продавали арабам, которые с ума сходили по светловолосым красавицам. Ах, Люба с удовольствием пожила бы немножко в гареме, только бы не думать больше о завтрашнем дне, который будет таким же голодным, как нынешний... Но на нее как-то не клевали турецкие донжуаны и бонвиваны. Может, потому, что у Любы были волосы темно-русые и довольно коротко остриженные? Или это Не-Буква с его африкански-свирепым взглядом отпугивал от нее поклонников?

Ей очень хотелось хоть на минуточку ускользнуть от его надзора и посмотреть, что же из этого получится. Вдруг немедленно откуда-нибудь возьмется восточный принц – совершенно такой, как в сказках «Тысячи и одной ночи»? К счастью, скоро Не-Буква нашел работу, у Любы появилось побольше свободного времени, чтобы искать принца. Как-то раз она приехала в Сан-Стефано, знаменитый тем, что здесь был подписан в 1878 году мирный договор России и Турции. Здесь стояли французские войска. Побродив по унылому городу, Люба вышла на берег моря. Было жарко-жарко! Она вспомнила, что турецкие женщины и даже маленькие девочки купаются всегда в закрытых длинных рубахах. Берег был пуст... Она скинула платье и пошла было к морю, как вдруг услышала топот и увидела бегущего к ней французского офицера.

Люба так и замерла. Может быть, это генерал, восхищенный ее красотой?! Богатый генерал...

Впрочем, ни форма, ни погоны не были похожи на генеральские. Да и физиономия офицера выражала не восхищение, а подлинный ужас. Он выкрикнул:

– Не купайтесь здесь. Уходите скорей! Вон там наша казарма. Я командую черными, они вырвутся, и я не смогу их удержать!

Разумеется, Люба бросилась наутек.

Вот вам и принцы...

Ее ожидание счастливого случая в «Фоли-Бержер» тоже ни к чему не привело. Прежде всего потому, что вернулся муж. Он сказал, что центр литературной жизни перемещается в Берлин, где теперь издается газета «Накануне», и увез Любу с собой в Германию. Немалую роль в ее согласии сыграла новая черная шубка «под котик» на золотистой шелковой подкладке,

которая была сделана, как сказал Пума, из древесных опилок. Это был один из первых образчиков синтетической ткани, в производстве которой Германия опередила Францию.

Конечно, шубке было далеко до мехов Мари Франс, но все же...

Правда, оказавшись в Берлине, Люба поняла, что Пума ее просто-напросто подкупил этой шубкой. До настоящего успеха и богатства по-прежнему оставалось как до неба. В Германии царила жуткая инфляция, припеваючи жили одни «шиберы» – спекулянты разных мастей. У них только и было, что деньги да мертвая деловая хватка, но ни ума, ни чести, ни совести, ни, конечно, образованности. Про «шиберов» рассказывали самые нелепые анекдоты. Вот пример. Один любитель приврать и прихвастнуть говорит другому: «Ехал я на трамвае номер 25 в Грюневальд и, представьте себе, встречаю художника Рембрандта!» – «Что вы такое болтаете! – возмущается второй „шибер“. – Номер 25-й не ходит в Грюневальд!»

Люба тосковала по Парижу, по «Фоли-Бержер» – в Берлине варьете были грубее, примитивнее, да и устроиться на работу в них было невозможно, – тосковала по театрам, по прекрасным парижским улицам, по бистро и кафе, где все пили модный «Дюбонне» или кофе, по длинным белым булкам – багетам, которые носили из булочной под мышкой, по живым, улыбчивым, приветливым лицам французов. Берлин показался ей красивым, но очень угрюмым, немцы – грубыми, немки – отвратительными ханжами, пансион на Курфюрстендамм, где поселились Люба с мужем, – неуютным, шумным и холодным, пища – вовсе неудобоваримой. Например, что это за еда – Biersuppe, суп из пива?! Разве мыслимо проглотить его русскому человеку? А «Himmel und Erde» – «Небо и земля», сочетание (вернее, несочетание!) яблочного пюре и картофельного?!

Впрочем, Василевский оказался прав в одном: русская культурная жизнь в Берлине в 1922 году оказалась весьма насыщенной. Кого здесь только не было! Алексей Толстой с Натальей Крандиевской, Сергей Есенин и его экстравагантная жена – Айседора Дункан, знаменитый Владимир Бурцев, некогда разоблачивший провокатора Азефа, оказавшегося агентом царской охранки... Приезжал Маяковский со своей повелительницей Лилей Брик. Она показалась Любе довольно страшенькой и к тому же дурно воспитанной: увидев молодую и красивую жену Не-Буквы, Лиля вдруг возмущенно спросила, тыча в нее пальцем: «Кто это?!», напомнив смешливой Любе княгиню Тугоуховскую из «Горя от ума». Маяковский засмутился и спешно увел недовольную Лилю. В Берлине работали подлинные лидеры эмиграции: Ю. Ключников, Н. Устрялов, С. Лукьянов, А. Бобрищев-Пушкин... Они втихомолку мечтали о возвращении в Россию и вполне разделяли мнение Алексея Толстого, что в «эмиграции – тоска собачья». Все чаще с ними соглашался Не-Буква.

Люба отмалчивалась. В Россию ей не хотелось. У нее было полное впечатление, что люди веселые и интеллигентные забили там по укромным углам, а господствует «торжествующий хам». Она слишком хорошо помнила «красный Питер», «красный Киев», «красную Одессу» и не верила в какой-то там нэп, который якобы так много обещает. Василевский чуял ее настроение, а потому о возможном возвращении говорил осторожно.

– Толстой уезжает в Россию, – сообщил Пума как-то раз. – Зовет меня с собой, посмотреть, что и как. Я еду. А потом вызову тебя, если захочешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.